

Игорь Шестков "Шерри-Бренди"

Полемиические заметки разных лет

ШЕРРИ-БРЕНДИ

Все лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой...

Мандельштам

Почему эмигранты пишут?

Потому, что не имели возможности свободно писать и издаваться на бывшей родине. Мне, например, и в голову не приходило предлагать каким-либо советским журналам или издательствам свои литературные опыты. Я и в шестнадцать лет знал – это никогда не будет напечатано.

Свободное слово в СССР было запрещено. Запрещен был и сам творческий мыслительный процесс – начиная с детского сада и до самой смерти совку активно промывали мозги. Да так успешно, что и до сих пор миллионы людей не понимают ни самих себя, ни исторических событий последнего столетия. Не понимают они и сути путинщины, в которой живут сейчас, как рептилии в гнилом болоте.

А изобретателю Ш. кажется, что «все всё понимают».

Не понимают. Ни черта не понимают. Съездите в Россию и поговорите с людьми. Или поболтайте с соседом-русаком.

Да, проект «великая русская литература» завершился. Но это не значит, что надо замолчать.

Не надо требовать от литературы и от литераторов слишком многого.

Литература – вечное повторение, волна, обтекающая шарик, бергсоновская змея.

Она порождает и проглатывает тексты. Чтобы опять их породить.

...

Многие интеллигентные эмигранты из бывшего СССР, пожив на Западе и надышавшись другого воздуха, осознают свою бесписьменную совковую жизнь как позор и хотят наконец высказаться. Сформулировать хотя бы самим себе –

правду. О нас самих, о нашей забубенной родине, о нашей жизни и судьбе...

Правду, однако, «прямо» не скажешь. Слишком затейлива. Правда являет себя в характерах, в сценах, в событиях. Поэтому люди пишут «литературу». Не потому, что это в Германии МОЖНО. А потому, что каждому пишущему – от последнего графомана до Бродского – это НУЖНО. Потому что мы люди, а не бессловесные скоты.

И неважно, что многих из нас не прочитает «немецкий ремесленник». Многих не прочитает, а кое-кого прочитает и посмеется и поплачет. А Ш., который и сам, полагаю, РАСПИСАЛСЯ, на вольных немецких хлебах – это все приводит в изумление или в ярость. Заставляет его извергать яды, попрекать эмигрантов их горьким хлебом (с колбасой) и их творчеством.

Ш. кажется даже боится, что «понаехавшие» писатели обожрут несчастную Германию... Или просто ревнует других писателей к литературе, которая кстати вовсе не хочет умирать, а хочет только сбросить старую саднящую змеиную кожу. Сменить формат. Завоевать виртуальные просторы и спуститься по чужой лестнице в пахучую гущу жизни.

Слова Ш. можно перефразировать так... Я-то буду писать, я право имею, я на свои креветки зарабатываю своими мозолистыми арийскими руками, под землей, в угольных шахтах и урановых рудниках, а вы... понаехали тут к нам, паразиты харьковские и московские! Бросайте свою бессмысленную писанину и ждите, дармоеды, когда вас на работу арбайтсамт пошлет... Лучше бы физическую...

Увы, этот ученый нигилизм Ш., очень напоминающий базаровский, школьный, ох как не нов. Пишущие люди прошлого прекрасно понимали практическую бессмысленность литературы и вампирическую, паразитическую сущность писателя. И тем не менее – изящную литературу все-таки делали. Для упражнения ума и развлечения утонченной публики...

...

Владимир Ш. сравнил людей с кошками.

Объявил, что таинственных белых пятен на карте личности как и на карте Земли больше нет, что писать не о чем и незачем. Потому что – все известно, обсосано, прожевано и выплюнуто. Очень убедительно написал. Как отрадно – наш

коллега, большой ученый Ш. знает о человеке ВСЕ! Вроде как сталинско-брежневский кадровик. Или парторг. Умный, едкий, но...

Но, что такое литература, судя по его последним текстам, он и понятия не имеет. Слишком позитивен и честен. Слишком занят на рудниках. Литературное творчество начинается там, где заканчивается обычная жизнь, где бессильно рациональное мышление, там, где невозможно никакое «имитационное моделирование». Там, где i квадрат равен то плюс, то минус единице. Там, где в третий раз пересекаются параллельные прямые. Там, где «цветет миндаль», где «звонят атлантические диски» и «дышит почва и судьба».

Художественная литература – это не словесная добавка к «обычной, рациональной» жизни, а другая, особая форма работы сознания. Не анализ и не синтез, не пережёвывание реальности и не фантазирование. Не познание – а импровизация. Блюз. Лирика на прямоугольном листе бумаги. В словесном лесу. Свободное, ритмическое, в слово, в строку, дыхание души человека – и самой, оживающей в словах, метафизической субстанции жизни.

Шерри-бренди. Из черненьких вишеноч, собранных в меланхолическом чеховском саду. На который выходят окна палаты номер шесть.

Полагаю, если бы хороший писатель Ш. хотел и главное мог написать что-то вроде «Опытов» Монтеня или «Сатирикона» Петрония – он бы никогда не пустился в тривиальные рассуждения о бессмысленности литературы и о позоре писательства. Ему помешало бы радостное чувство удовлетворения от хорошей работы. Пожелаем ему успехов!

О МЕСМЕРИЧЕСКОМ И ПОТУСТОРОННЕМ

Третий человек уже спрашивает: Ты чего пишешь-то?

А я уже восемь месяцев не занимался писаниной. Потому что живот болел. Гастрит. И еще какая-то дрянь прицепилась. Одна дама сказала: Это у тебя психосоматика. Ты себя за что-то наказываешь!

Психосоматика? Дура, она и есть дура. Надо было ее чем-нибудь огреть за такие теории. Чем-нибудь экзотическим. Томом Ленардо что ли. Но жалко книгу, да и

развопилась бы наверное жутко!

Даже читать не мог восемь месяцев. Свои тексты не мог читать. Чужие я давно не читаю – зачем? Свои – хоть поправить можно, а другие – висят огромными склизкими глыбами на фиолетовом небе и изрыгают из себя мытные струи словесных помоев. Прямо в морду норвят...

И потрогать их нельзя, не то, что редактировать. Ведь я уже много лет лит-ру не читаю, а только пишу или редактирую. Читай, не читай... Чтение – это бреющий полет. Над зеркалами. В которых все равно только свои отражения и видишь...

...

А мои тексты не могу читать в болезном состоянии, потому что они ранят, режут. Жесть-наждак.

Мякоти у меня мало в рассказах, вот ведь незадача! А что делать, если ее нет?

Ни в душе, ни в жизни. Сочной словесной мякоти у меня нет, ее публика любит, а я не люблю.

Разница во вкусах!

Даниил Хармс вот, например, любил лизать своим любимым дамам... мякоть...

Не верите? Так уж вышло, что первым стихотворением Хармса, которое я прочитал в смородинной моей московской юности... прочитал и запомнил, было:

Ты шьешь. Но это ерунда.

Мне нравится твоя манда

Она влажна и сильно пахнет.

Иной посмотрит, вскрикнет, ахнет

и убежит, зажав свой нос,

и вытерая влагу с рук

вернётся ль он, еще вопрос

ничто не делается вдруг.

А мне твой сок сплошная радость,

ты думаешь, что это гадость,

а я готов твою ****у лизать, лизать

без передышки

и слизь глотать до появления отрыжки.

(1931)

Хармсу все прощают, а мне читатели-инквизиторы пеняли на то, что моему лирическому герою это самое, что Хармс любил лизать, представилось складкой свиной кожи, пахнувшей мочой и тухлой рыбой (рассказ «Приезд»). Не мне, а ему представилось, но все равно во всем меня обвинили.

И еще Хармс любил стоять голым перед окном, так, чтобы его с улицы и из дома напротив видно было. Привлекал. На живца ловил... И заклинал:

Скорей подними занавеску

И жадно смотри на меня.

Ты страстной рукой подними занавеску

И страстно смотри на меня.

(1931)

А потом еще и злобствовал:

Почему нелюбопытны

Эти бабы супротив?

Потому что первобытны

Как плохой локомотив.

(1931)

Локомотив-супротив.

Вот что рифма с поэтом делает! В идиота превращает. Первобытного. Раньше я не мог объяснить, почему я терпеть не могу поэзию. Теперь могу. Потому что поэт всегда пишет ОТ СЕБЯ. Даже если с ним рядом муза стоит и грудями трясет и бедрами покачивает. А меня его или ее мнение не интересуют вовсе. Прозаик пишет от придуманного автора или от такого же героя или непонятно от кого. Если он начнет в своей прозе писать от себя, то чуда прозы – наплывов чужих мыслей, чужих чувств, чужих метафор, чужих существований – не произойдет. Будет только я-я-я.

...

Человек. Это великолепно. Это звучит гордо! – восклицает пролетарский гуманист Горький устами Станиславского со сцены Художественного театра. Когда я вижу человека, мне хочется ударить его по морде. Так приятно бить по морде человека! – отзывается совок Хармс из своей убогой коммуналки. Загадочный человек. Слабый, ранимый, психически неустойчивый. Хрупкий человек – в жестяных когтях сталинского Ленинграда. Умер в тюремной дурке. Не могли советские гниды несчастного голодаря просто отпустить домой помирать.

Его «садизм» – феномен языковой. Какой-то странный садизм. Веселый. Коммунально-космический. Не настоящий. Настоящий это НКВД, коммунаки, Совдепия.

...

Хармс, Хармс... произнесешь несколько раз это имя, харкнуть хочется. Откашливаться приходится. Не понятый пророк. Не узnanное знамение. Чего знамение, спросите. А КОНЦА русской литературы знамение. Смерти русской культуры. Перехода ее в состояние сомнабулическое, месмерическое, потустороннее...

Это как понимать?

Очень даже просто понимать. После смерти Хармса, последовавшей в блокадном Ленинграде, в тюремной больнице, в феврале 1942 года, ничего путного по-русски уже никто в России не написал и никогда не напишет.

Могу разъяснить и разжевать по пунктам. Но не буду. Потому что истина не нуждается в разъяснениях и разжевывании. Она просто есть. И действует.

Вы возразите: А как же Бродский и Довлатов?

А я вам отвечу так: А Бродский и Довлатов, господа, это та самая ОТРЫЖКА и есть...

О которой Хармс писал.

А остальное все...

Последним текстом великой русской литературы был этот отрывочек Хармса:

Реабилитация

Не хвастаясь, могу сказать, что, когда Володя ударил меня по уху и плюнул мне в лоб, я так его схватил, что он этого не забудет. Уже потом я бил его примусом, а утюгом я бил его вечером. Так что умер он совсем не сразу. Это не доказательство, что ногу я оторвал ему ещё днем. Тогда он был еще жив. А Андрюшу я убил просто по инерции, и в этом я себя не могу обвинить. Зачем Андрюша с Елизаветой Антоновной попались мне под руку?

Им было ни к чему высказываться из-за двери. Меня обвиняют в кровожадности, говорят, что я пил кровь, но это неверно: я подлизывал кровавые лужи и пятна – это естественная потребность человека уничтожить следы своего, хотя бы и пустяшного, преступления. А также я не насиловал Елизавету Антоновну. Во-первых, она уже не была девушкой, а во-вторых, я имел дело с трупом, и ей жаловаться не приходится. Что из того, что она вот-вот должна была родить? Я и вытащил ребенка. А то, что он вообще не жилец был на этом свете, в этом уж не моя вина. Не я оторвал ему голову, причиной тому была его тонкая шея. Он был создан не для жизни сей. Это верно, что я сапогом размазал по полу их собачку. Но это уж цинизм обвинять меня в убийстве собаки, когда тут рядом, можно сказать, уничтожены три человеческие жизни. Ребенка я не считаю. Ну хорошо: во всем этом (я могу согласиться) можно усмотреть некоторую жестокость с моей стороны. Но считать преступлением то, что я сел и испражнился на свои жертвы, – это уже, извините, абсурд. Испражняться – потребность естественная, а следовательно, и отнюдь не преступная. Таким образом, я понимаю опасения моего защитника, но все же надеюсь на полное оправдание.

...

Оппоненты мои задумаются... а потом – с недоброй ленинской улыбкой и подхихикивая – попробуют меня уделать, урыть, придрючить, моим же оружием. Хитро!

Прошипят: А ты-то для чего тогда пишешь, коли знаешь, что все после Хармса – беспросветная дрянь?! Ты что, тоже потусторонний и месмерический?! Хи-хи-хи!

Да, именно так они меня и спросят – с вопросительным и восклицательными взглядами в конце. И их гнусная улыбочка превратится на их широких скифских лицах в упругую сосредоточенность палача, готовящегося к уютной

послеобеденной декапитации. И они протянут свои крепкие жилистые руки к рукоятке длинного тяжелого меча.

Рано радуется, господа! Оставьте меч в покое! Я и так создан не для жизни сей. Во первых, я пишу, хоть и по-русски, но не в России. Стало быть не подхожу под условия вышеприведенного определения.

Во-вторых, я начал писать, когда настоящая моя жизнь кончилась. Так что тексты мои действительно в некотором смысле «потусторонние»...

А «месмерические» они потому, что мои герои вызваны-позваны из небытия силой магнитного поля моих мозгов, на которых записались сами-собой – то есть без моего желания – мистерии прошлого. В полном соответствии с теорией великого Фридриха Месмера.

КОЗЛЫ

Литература, как и кино и картины – все это попытки форматирования небытия, его формы.

Раньше это были все больше погребальные камеры, наполненные мумифицированными родственниками писателя, его вещами, его животными и его собственными препарированными внутренностями... Саркофаги-повести, пирамиды-романы... Потом произведения искусства и литературы стали памятниками... Нынче это инсталляции. Из кусочков кишок, обрывков кожи, отголосков, отрывков, отрезков бытия.

...

Странно, я хоть и пишу, но не считаю себя писателем.

Я против литературы как таковой, против бесконечных словоизвержений самоупоенных нарциссов. Я – за простую жизнь, за людей.

Для меня главное – не алые буквы, а та особенная лирическая реальность, или внутреннее кино, которое ими порождается в сознании читателя. Не на бумаге и не на мониторе – сокровище литературы, а там, в мозгах читателя, смиренно собирающего пазлы... светлые, летучие острова. На которых живут восставшие из семантического мусора литературные герои и растут на щедро унавоженной

частицами прошлого земле развесистые клюквы.

...

Мне нравится то, что Б. отстаивает очевидное право эмиграции на существование и на полноценное творчество. Мне нравится и то, что он поливает подпутинскую литературу и заодно и тамошнего, «серого» приспособленца-читателя помоями и клеймит ренегатов-эмигрантов, замороженно, как зайцы – в пасть удава, глядящих российское телевидение и мечтающих о российских тиражах, гонорарах и прочих материальных благах. Нравится, то нравится, но справедливо ли это?

По многим вопросам, затронутым в этой статье, я уже не раз высказывался, не хочу повторяться. Хотя, кое-что не зазорно и повторить...

...

Мне кажется, разделяя литературы на зарубежную и не зарубежную, Б. недооценивает или, точнее, упорно стремится не замечать изменений, произошедших за последние 15-20 лет. Изменений, навязанных нам научно-техническим прогрессом. Тема эта бездонная, поэтому кратко коснусь только одного аспекта, важного для нас, авторов.

Писатель нынче пишет не пером и не паркеровской ручкой, не печатает на машинке, а работает на компьютере. Печатает быстро. Свободно манипулирует большими и малыми кусками текста. Мгновенно редактирует. Находит в мировой сети и ассимилирует разнообразные источники – тексты, картинки, фотографии, фильмы. Проверяет орфографию...

Жми кнопку – и вот, твой свежее испеченный текст уже опубликован и доступен всему человечеству. Спи спокойно, ты оставил свой след в электронной вечности. Застолбил участок на ноосфере Земли. На континенте графоманов.

...

Текст, написанный на компьютере, это как правило последовательность абзацев, сохраняющих пропорции свободного поля программы Ворд. Написав и отредактировав абзац – заполнив светлый прямоугольник горизонтальными полосочками из букв и пробелов – писатель-клавишник переходит к следующему абзацу. Страниц как бы и нет, нет книги, нет бумаги, есть только податливая прямоугольная белизна, легко прострачиваемая буквенным швом...

Автор, пишущий на компьютере, невольно стремится к краткости, ясности, точности. Длинные тексты читать на мониторе трудно... муторно. И свои и чужие.

Тащить героя и его душевный мусор по сотне страниц?

Описывать, описывать, описывать никому не интересные подробности...

Загонять читателя как лошадь диалогами...

Извольте, извольте...

Любой, даже поэтический, текст, написанный на компьютере, получает характер сообщения, меседжа. Романы скукоживаются в рассказы, рассказы превращаются в байки. Набившие оскомину идеалистические рассуждения – постепенно сходят на нет...

Пишущий на компьютере «художественную литературу» не запечатлевает нетленку на бумаго-папирусе, а играет себе как безумец виртуальными сущностями в виртуальном пространстве, перебирает как четки ряды возможностей, мыслит не столько фразами-предложениями, сколько текучими периодами, легко деформируемыми блоками. Летучими стаями мушек-слов. Он не борется с сопротивлением бумаги, с нежеланием написанного текста быть измененным. Смыслы-смыслецы вторят эхом в прямоугольных клетках абзацев...

Как крылатые фурии носятся от стенки к стенке опьяненные неслыханной свободой слова... фразы... А вслед за ними – потерявшие суть и судьбу героифантомы, коллизии без коллизии, отголоски чувств, скорлупки пережитого... Компьютерная материализация мысли коварно легка...

Конечно, автору, по мартышечьей привычке, хочется взять в руки собственную книгу, ощутить ее вес, понюхать запах бумаги и краски, потрепать и погладить ее как девушку, насладиться обложкой, шрифтом, иллюстрациями и собственным именем на титульной странице...

Но доступность произведения мировому читателю перевешивает соблазны производить бумажные глыбы. Ведь везде, где есть интернет, и в Австралии и в джунглях Амазонки и в Южной Африке и на полярных станциях плоды твоего клавишника могут если и не прочитать, то хотя бы «открыть» аборигены-полиглоты или рассеянные по всему свету «русскоязычные».

Интернет размыл границы на карте ноосферы настолько, насколько это вообще возможно. Нет больше читателя в России и читателя вне России. Все, кто может читать по-русски, ВСЕ могут прочесть статью Б..

Мне, как я много раз подчеркивал, глубоко отвратительна путинская Россия, но читатель – такой ли, сякой ли – везде читатель, и если я пишу по-русски, то для всех способных меня прочесть, вне зависимости от места прописки.

Поэтому надо ставить вопрос не о будущем зарубежной или подпутинской литературы, а о будущем литературы вообще.

О судьбе произведения, уже написанного, уже кристаллизованного.

Неподвижного. Тихого. Для человека интернета – находящегося в коме завершенности, не способного на метаморфозу. Уносимого потоком времени в прошлое, в небытие. Похоже, дни подобного творчества сочтены.

...

Писатель должен публиковаться на бумаге там, где может. А если бесплатно не печатают, можно и заплатить раз-другой за публикацию. Почему нет?

Публикация – радость для писателя, а за радости надо платить.

Но если вы, господа, публикуетесь на подлые путинские деньги – в чекистских журналах, издательствах – то вы, как грубо говорит мой добрый парижский знакомый Амурский, КОЗЛЫ.

Мне тоже хочется, пусть и легонько, но пнуть серебряным копытцем подпутинскую литературу в ее упрямую морду.

Литературу эту я не читал и читать не буду, тошно, а вот по несколько абзацев – трех-четырёх сотен современных российских авторов, и «гениев» и «средняков» и «мелкой рыбешки» – все-таки прочел.

Что же плохо в этом словесном массиве?

Стремление писать непременно гениально, круто, мощно, плотно, широко, глубоко, глобально.

Объять необъятное. Поставить свою, непременно жирную точку, над всеми «і», стреножить, ошарашить, оглушить, вырубить, скрутить в бараний рог, замочить в сортире...

Но главное – писать круто, круто, круто!

Круче Достоевского!

Безумнее Гоголя!
Соленее Салтыкова!
Шире Толстого!
Похабнее Баркова!
Туберкулезнее Чехова!
Космичнее Хлебникова!
Сложнее Белого!
Плотнее Платонова!
Обаятельнее Булгакова!
Абсурднее Хармса!
Жестче Зазубрина!
Монархичнее Солоневича!
Реалистичнее Астафьева!
Поэтичнее Мандельштама!

Поистине, современная русская литература – это литература литературных паханов. Написанная литературными шестерками, в смрадном пароксизме безнадежно запущенной мании величия.

Глядят в наполеоны...

Алчут метафизические сокровища нахрапом заграбастать также, как заграбастали свои миллиарды державные воры абрамовичи-путины.

Хотят круто-круто, а получается кудряво, бессмысленно, многословно, провинциально...

Непростительно навязчиво.

Особенно отвратительны - псевдоисторические антиутопии, и крохотные и колоссальные, как будто соперничающие по гнусности с самим путинским государством...

....

Позволю себе процитировать мое письмо об одном современном московском писателе-наполеоне....

«Вся его система самоодурачивания и самовосхваления разрушается как карточный домик, если он слышит или читает о себе хоть одно едкое критическое словечко. В этом и слабость подобной высокопарщины, подобных

демагогических систем – из них как из ванны вся влага вытекает, если одна трещинка, дырочка – хоть с игольное ушко – появляется...

Нельзя строить себе пирамиды – ни каменные, ни словесные. Мышка хвостиком вильнет и все посыпется...

Писатель вправе о себе писать только иронично или самоуничижительно – потому что он хуже всех (особенно хорошо это просекли Гоголь и его хвост – Достоевский).

Бумагомарака.

Если писатель не понимает, что любые его писания – вред, бред, нечто заведомо отрицательное, а сам он – суета сует, паразит, лишний человек, вампир, палач, плодящий зомби, то он еще и болван.

Писать можно только в надежде, что где-то есть драгоценный читатель, лучший, чем он человек...

В нем-то, в его душе, его текст «закончится», обретет форму и покой.

А К. – весь жар и жир – все-все-все – хочет подгрести под себя, его терзает комплекс демиурга, творящего миры из слов, а свое творчество он понимает архаически - вроде как построение золотого саркофага и пирамиды самому себе - литературному фараону для постумного полета на пояс Ориона ... комичная картина. Ну и бесконечно злобится демиург-фараон, если выходит-то все вовсе не по-демиургову...»

В НАЧАЛЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

В начале восьмидесятых... в странное время...

В 1981-м году мне исполнилось двадцать пять. Самое время задуматься над тем, как хочешь прожить жизнь. Как и многие другие совки, я ужасно не любил размышлять на подобные темы, строить планы, ставить себе какую-то цель и брать преграды, а просто жил, справедливо полагая, что жизнь не имеет никакой цели, кроме самой себя, и что глупо поэтому тратить ее на нечто отвратительное – например, на делание карьеры, на обогащение, на возню с автомобилем или дачей и тому подобное. Я к тому времени уже заметил, что самые сладкие

изюминки лежат себе, невостребованные, в придорожной канаве или в лесочке неподалеку, но озабоченное мнимыми проблемами, обезумевшее, тщеславное, жадное человеческое стадо несется и несется дальше по главной дороге смерти в погоне за призраками... осознал, что мне с ним не по пути.

Единственное активное действие, которое я бы совершил, если бы представилась возможность – это эмиграция на Запад. Потому что жить в СССР было мерзко.

Но возможности эмигрировать, как раз тогда, когда я наконец созрел для этого, у меня не было. В начале восьмидесятых ручеек эмиграции из СССР, и в конце семидесятых не сказать, чтобы полноводный, совсем обмелел. СССР перегородил своей когтистой лапищей единственную дорожку, по которой я бы мог пойти. Освободил меня (как выяснилось – временно) от борьбы за выживание на новой родине. Все остальные, советские, пути я отмел сам.

Так в чем же «странность» начала восьмидесятых?

В предчувствии свободы на дне советской ямы.

Рассудок наш не верил в скорые перемены, а «воздух», который мы ощущали не только легкими, но и кончиками пальцев... начал как бы вибрировать, изменяться.

В Москве было особенно трудно дышать из-за царившего в ней торжественного и торжествующего холуйства... а невидимый, недоступный коммунякам и гэбне эфир... дрожал... переливался новыми цветами... источал изысканные ароматы... и мы обоняли их чувствительными ноздрями и не падали духом... хотя и было от чего. И вот... генсеки и другие зловещие старцы начали, один за другим, играть в ящик, а к концу восьмидесятых в темном зловонном царстве ватников и сапогов неожиданно повеял свежий ветер перемен... и сама собой открылась светлая сцена... а за ней – дорога в огромный, неизвестный нам, свободный мир...

И мы ушли по этой дороге, напевая чудную мелодию из «Серенады Солнечной Долины», ушли навсегда из подлой части планеты... И не жалеем об этом.

* * *

Ну что же, все здорово и хорошо?

К сожалению, не совсем. Последовательно и разумно было бы выкинуть из памяти все, что касается нашей советской жизни. И жить себе новой,

американской, европейской или израильской жизнью, забыв о проклятом прошлом и стараясь не обращать внимание на набухающую и прыскающую гноем опухоль на востоке под названием путинская Россия.

Но, увы, мы не компьютеры, а люди, очистить диск мы не можем, и прожив двадцать или даже сорок лет на Западе, сделав или не сделав тут карьеру, купив или не купив дом, посмотрев или не посмотрев полмира – мы все равно несем в себе родовое проклятие, остаемся совками. И наше прошлое, зловеще прошуршав жестяными лопастями, обрушивается на наши седые или лысые головы неумолимым бумерангом. Командор-Сталин обнимает нас своими гранитными руками и утягивает в ад воспоминаний. И мы не властны что-то изменить...

Особенно больно это ощущать русским писателям-эмигрантам. Потому что почти все, что ты пережил, почти весь твой навоз, из которого только и растут цветы прозы – это твое советское до-бытие и другого, как ни старайся, как ни прилепляйся, ни присасывайся, ни мимикрируй, ни убеждай себя – если ты уехал после тридцати пяти – у тебя никогда не будет.

Добавочную боль причиняет нам затянувшееся на пятнадцать лет и грозящее продлиться неопределенно долго дежавю – постепенное возвращение советчины на нашей прародине. Возвращение в новой форме, соответствующей новым реальностям, но той самой, хорошо знакомой, ядовитой, жестокой, лживой. Бесчеловечной. Милитаристской.

Третья боль – это наш читатель. Заграничный русский читать нас не хочет, потому что он старается или догнать свою новую родину и читает по-немецки, по-английски... или понять нынешнюю Россию – и углубляется в Сорокина и Пелевина. Для оставшихся в России совков мы навсегда останемся «предателями». Сами уехали, а нас теперь учат. Для аборигенов – немцев, американцев, израильтян, мы чужаки, ничьи люди, пишущие о непонятном для них мире.

Поэтому мы пишем только для себя. Тела наши наслаждаются комфортом западной цивилизации, сладкими ее плодами, а неприкаянные души – бродят по безводной пустыне прошлого. Слава богу, наши дети не умеют читать по-русски!

НА СМЕРТЬ ЮРИЯ АФАНАСЬЕВА

Афанасьев не был святым. И, честно говоря, мне густо наплевать, был ли он левым, правым, социалистом, коммунистом... В России – и коммунизм и капитализм – одна сатана.

Мне нравился звук его голоса, его сдержанность... деликатность...

Ведь он, историк, говорил о России страшные вещи, за озвучивание которых миллионы ее обитателей готовы убить, растоптать, живьем сжечь...

Сдержанно говорил. Деликатно. И со знанием дела.

Комсомольско-коммунистическое прошлое его конечно не восхищает, а ужасает.

Но именно из-за этого прошлого так интересна произошедшая с ним метаморфоза – из советской гусеницы в антисоветскую, антисталинскую, антипутинскую бабочку.

Афанасьев, так же как и Сахаров – примеры того, что «исконно-посконные» русские люди, верные псы Совка и КПСС, могут измениться, осознать глубину падения, увидеть пропасть, заполненную гниющими трупами и ложью России о самой себе. И еще могут – найти в себе силы говорить и писать об этом.

Для меня такие единственные, драгоценные люди – это доказательство того, что русский народ – не безнадежен. Что его не нужно сжигать напалмом. Ведь от подавляющего большинства советских и путинских деятелей (не только политиков и историков, но и ученых, писателей, художников) несло и несет трупным запахом. Одно их существование угнетало, уничтожало души живущих. И продолжает отравлять жизнь и сейчас.

Вот, что такое Афанасьев... он воплощает в себе не надежду, но уверенность, что и ТАМ есть добрые, все понимающие люди. Эта уверенность – одна из опор жизни писателя-эмигранта. Она и только она позволяет мне писать рассказы на русском языке и надеяться на то, что их прочтут не только бывшие соотечественники за рубежом, но и россияне. Для меня это очень важно. Мне неудобно стоять на одной ноге.

...

ЭТО с Россией произошло очень-очень давно. 1000 лет назад.

Еще тогда, на какой-то важной исторической развилке, коллективная воля или воля какого-то засратого князя-святополка – выбрала путь лжи, насилия, рабства и утеснения.

И покатилося свинцовое колесо. Прокатилося оно от Новгорода до Сахалина и везде оставило свои отвратительные следы.

Революция 1917 года и последующие за ней ленинщина и сталинщина завершили дело.

Почти все РУССКИЕ носители культуры (и гуманитарной и экономической) были уничтожены.

Явился на свет гнусный выблядок царской России – СССР, скрепленный коммунистической идеей и организаторским талантом освобожденных наконец от векового притеснения левых евреев. Эти люди были дрожжами и революции и сталинщины и одновременно их жертвами.

После 1953 года – их потомки, а также жалкие остатки-недобитки прежних русских интеллигентов и новые люди – физики-лирики составили тоненький думающий слой.

Недолгим было цветение этого чахлого цветка.

Уже в 1968 году стало ясно, что СССР неререформируем, а советский народ – безнадежен. Началась эмиграция, выплеснувшая за границу почти всех, кто еще что-то мог, на что-то был способен. Эмиграция эта проходила и проходит уже почти полстолетия конвульсивно... это конвульсии гигантской страны, конвульсии подышающего левиафана, изрыгающего из себя людишек, свою кровь и плоть.

Зачем я все это пишу?

Потому что этот советский, а теперь и путинский левиафан был местом жизни Афанасьева. Он жил в этом агрессивном, разлагающемся, обреченном обществе. Пережил и перестройку и сумеречное ельцинское время. Дожил до прихода к власти Путина и КГБ. До имперского разворота. До возникновения последней российской – подлой цивилизации ватников. Именно она, ее удушающие миазмы, а не только болезнь и старость, отняли у Афанасьева здоровье и жизнь. И все-таки он до конца сохранил свой благородный жизненный стиль и не

побоялся выступить обвинителем России на процессе против нее, незримо идущем в ноосфере. Распознал в путинской вертикали все ту же, одетую в новые одежды сталинщину. И вынес ей приговор.

ЗОМБИ

На ваши каверзные вопросы, дорогой В., мне хочется ответить кратким комментарием.

Нет, я не смотрю российское телевидение, ни настоящее, путинское, ни гнусенькое «гусинское», предназначенное для жидко ностальгирующих лапчатых гусей-эмигрантов.

Даже если бы и захотел смотреть - не смог бы. Это телевидение вызывает у меня рвоту. Не виртуальную, а настоящую. Рвоту и коллапс всего существа.

Я уже не говорю о политических передачах - нахрапистая путинская пропаганда рассчитана на дебилов, я не могу смотреть и передачи, посвященные «русской культуре», не выношу и старые и новые документальные и художественные российские фильмы.

Вся эта продукция смердит советчиной, неизжитой совковостью, провинциальностью, в большей или меньшей степени все эти калягинские «тетки чарли» и «волги-волги» и даже «берегись-автомобили» и другие «дяди-вани» лживы, пошлы и отвратительны. Во всех этих «тенях забытых предков» копошатся микробы подлости и злобы, трихины тысячелетнего холопства...

Мы уехали для того, чтобы не хлебать больше этот прокисший советский бульон, не поддаваться на «их» уговоры, не видеть эти гнусные рожи..

Пожить в свободном, открытом всем ветрам, «прекрасном и яростном» мире.

Зачем же мы, подписывая этим последнюю капитуляцию, усаживаемся перед плазменными экранами-мониторами смотреть дозволенную путинскими-брежневыми-сталиными ядовитую гадость?

Затем, что мы на самом деле не эмигранты, а живые трупы, зомби.

Это трагично, но исправимо.

Достаточно выключить телевизор, стереть «их» программу и открыть немецкую книгу. Ну хоть Гофмана почитать в оригинале. Крошку Цахеса. Или Гессе. Или "Человека без свойств" Музиля...

Или посетить музей живописи, пообщаться там с Дюрером, Кранахом или Петрусом Крестусом...

Или погулять в старинном парке...

Или влюбиться в очаровательную немочку...

Что, не можете, не хотите? Я же говорю, застрявшие между мирами зомби.

АВГУСТ 1991

В августе 1991-о жил я в Дрездене, один, в поганенькой квартирке, с печным отоплением и старым гэдээровским черно-белым телевизором. Был у меня маленький приемник «Сони» – слушал я по нему радио Свободу и рисовал цветными карандашами на прекрасной шершавой акварельной бумаге абстрактные композиции.

И вот, слышу – в Москве путч. Первая мысль – отрезан от семьи (жена и дочь были на даче у родителей на Урале).

Навсегда.

Боже мой, вот он, конец. Сейчас начнутся аресты. Расстрелы.

Посмотрел на путчистов. Руки дрожат, глаза бегают. Подумалось – нерешительные палачи. Перед смертью – еще и замучают. Будут мстить семьям уехавших.

Потом случилось то, что случилось.

Я был первый и последний раз горд за свой, уже навсегда оставленный, народ.

А через четыре недели после путча Ельцин говорил так, что стало ясно – все вернется на круги своя. Сменятся декорации, начальники, вынырнет из первородной тьмы безобразный русский гламурный «капитализм», такая же потемкинская деревня как и русский «социализм», прикрытие воровства и деспотии.

Где-то в будущем замаячил в потусторонних тенях – отвратительный образ...

Кажется так сейчас.

Потому что чудовищным обратным потоком, грохочущей грязевой лавиной затопила путинщина русское прошлое. Смыли ее грязные струи недолгую перестройку, пробежали сквозь застой и оттепель, протекли по запотевшим стеклам ГУЛАГовских лагерей... и дальше, дальше заволокло поганым дымом особняки Наташ Ростовых и Татьян Лариных... и упали струи как в черный водопад в пугачевскую жуть, в глубь малютину, в кощеево сердце. Вот уже и запекшаяся кровь на мучениках-борисоглебах окрасилась черным...

И на самой перуньей морде показались знакомые воблиные глаза...

ЗВЕЗДА

Четыре предрождественские недели в Германии (называемые „адвентцайт“) – веселое, шумное и суетливое время.

В это время работают специальные рождественские ярмарки или базары.

На рыночной площади рядом с городской церковью устанавливается украшенная однотонными огнями елка. Выстраиваются рядами открытые киоски, зажигается разноцветная иллюминация. Для детей устраиваются карусели, запрягаются ослики и пони, строится железная дорога, способная провести по кругу пару дюжин малышей с бабушками и мамами. Вдоль дороги стоят приветливые снеговики и искусственные деревца. На их ветках сидят пестрые птицы. На стволах – реклама Кока-колы.

Сладости продаются в каждом втором киоске. Мятные, медовые и другие пряники всех размеров, с вензелями и надписями, сахарная вата, покрытые сладкой глазурью жареные орехи, дрезденские Штоллен – круглые плотные пирожные из дрожжевого теста с изюмом и корицей, усыпанные сахарной пудрой; жареные каштаны, фрукты в шоколаде, картофельные оладьи, сладкие блины с взбитыми сливками, суп-гуляш в котелках из темного хлеба, бутерброды с сыром и помидорами, багеты с чесноком, бретцели, печенье... На огромных решетках жарятся сотни различных сосисок и колбасок – от маленьких, белых баварских, до полуметровых гигантов красного-мясного

цвета.

В круглых бронзовых сковородках тушатся шампиньоны, в специальных печах запекаются экзотические лазаньи. Все это обильно запивается душистым глинтвейном, пуншем или крепким пивом „Рождественский козел“, перебрав которого можно заблестеть и заскакать...

Тем не менее, пьяных я за свои двадцать немецких лет, на рождественских базарах не встречал, зато видел много счастливых детских лиц, и еще больше – с удивительным аппетитом, как будто после долгого поста, жующих и пьющих бургеров...

Ассортимент несъедобных товаров, продаваемых и, о чудо, активно покупаемых на рождественских базарах включает: желтые, оранжевые и красные, бумажные и пластиковые, колющие во все стороны лучами рождественские звезды, подвесные шлифованные хрустальные кристаллы, в самые невероятные формы отлитое мыло, не менее невероятных форм свечи, свечи-драконы, мадонны, волхвы, дьяволы, симпсоны, елки, черепа, будды, белочки, свечи-рыбки и свечи-птицы, чудесные елочные игрушки ручной работы из тонкого стекла, разноцветные шары всех видов, глиняные, курящиеся ароматами домики, модели церквей, деревянные, точеные по частям на станках и расписанные фигурки из Рудных гор – щелкунчики, ангелы, ремесленники, шахтеры, керамику и фарфор всех видов, разнообразную цветную пластику, крутящиеся настольные рождественские пирамиды размером от нескольких сантиметров до полутора метров, трикотажные изделия, вязаные носки, шапочки... Все это покупается для подарков, дарить которые принято в Германии в рождественский сочельник.

Поневоле спрашиваю себя - что же осталось тут от великого праздника явления Сына Божьего в мир? От дня рождения еврейского младенца из семьи плотника, распятого при Понтийском Пилате?

Увы, розовые упитанные ангелочки и незаконнорожденные потомки Николы Чудотворца, Вайнахтсманы, родные братья русских Дедов Морозов и американских Санта Клаусов – вытеснили того Младенца не только с рождественских открыток, украшений и всевозможных декораций, от уличных до интернетовских, но, похоже, и из умов. Вытеснили и кроткого Иосифа и

таинственных волхвов и даже саму, разрешившуюся от бремени в ту зимнюю ночь, Богородицу.

Почему же, несмотря на запрограммированное разочарование и эстетическое возмущение, я каждый год по крайней мере один раз хожу на рождественский базар, хотя давно не ем сосиски и сахарную вату, не пью пива и глинтвейна и не покупаю подарки?

Может быть, потому что над киосками с сувенирами, над дымящимися жаровням и каруселями все еще надеюсь увидеть горящую Вифлеемскую звезду...

Пусть и электрическую.

НА СМЕРТЬ СОЛЖЕНИЦЫНА

Хотелось бы написать о Солженицыне всерьез – но для этого надо прочесть все его «глыбы», а у меня нет на это сил. И желания играть по его правилам. Делать вид, что меня интересуют длинные псевдореалистические тексты. Насквозь пропитанные потом автора и угаром эпохи. Устаревшие тексты.

Смешно. Солж верил, что что-то было именно так, как он написал. Какая наивность!

Был косноязычен. «Последние романы Гроссмана в их сравнении являют этот удел».

Упрекал Бродского в том, что «глубинных возможностей русского языка тот вовсе не использовал». Имея в виду словарь Даля и прочие мумии-экспонаты в музее русского языка имени Ивана Грозного...

Его русизмы будят во мне зверя. Могу книгу изорвать.

Терпеть не могу лингвистическую навязчивость, настырность забубенных игрецов в православие, самоназначенных протопопов аввакумов!

Рассчитывающих на счетах свое житие...

Какая злая графомания терзала этого бывшего зека! Какая энергия! Какая опасная мнимая доверительность таится в его предложениях!

Сколько имен, ложноисторических мизансцен, сердечных откровений,

вселенских излияний, профетических догадок! И какая сумасшедшая самоапологетичность!

Увы, у меня от чтения солженицынской прозы эйфории не возникало. Скорее приходило чувство отравленности языковыми консервами.

Я восторгался не скучным Иваном Денисовичем, а его двоюродным дедушкой Акакием Акакиевичем, не «Одним днем», а «Записками сумасшедшего» и «Капитанской дочкой»...

Мне всегда казалось, что тексты Солженицына страдают провинциализмом, национальной ограниченностью, тенденционностью, упрямой предвзятостью. Из них сочится солжова кислота, яд мерзотной русской истории.

Пытался писатель всю жизнь этот яд из словесной ткани выполоскать.

Не только воссоздавать-наблюдать характеры, но и оправдать Матрен и Иванов.

И разнообразных упрямо-положительных Столыпиных. И найти-назначить виноватых. Потому что был убежден, что есть виноватые в абсурдной и страшной русской жизни. И нашел. Понятно кого. Кого все они находят.

Позже обрел Солженицын и милых русскому сердцу друзей – Путина и ФСБ.

Захотел учитель математики не писателем русским стать, а пророком-советчиком-и-поводырем русской истории... Забыл, что ей чихать на поводырей... И на их косточки...

Взлетел с дачи Ростроповича.. И приземлился со всеми своими тяжеленными «Колесами» на Лубянской площади. Где раньше Железный Феликс стоял. Там и поставят растроганные чекисты Солженицыну памятник. На могиле великой русской литературы.

Многие русские писатели потеряли чудесный дар художественности и сломали себе хребты в попытке стать провидцами, спасителями, оправдателями...

Примеры общеизвестны.

Откуда берется эта мания величия? Эта хроническая переоценка себя и литературы.

Оттуда же, откуда произошли «Третий Рим», «Соборность», «СССР – оплот мира и социализма», «Живее всех живых», «Догоним и перегоним», «Великий Сталин»...

От комплекса неполноценности тысячу лет поротого холопа, которому подавай не страну, а державу, империю, шестую часть земли. Не премьера, а президента, государя, народного лидера, царя. Генсека Красно-Солнышко... Светоча-генералиссимуса...

Не может русский человек жить без самоослепляющего патриотического бреда. Без иерархии, икон, кнута, врагов и светлой цели...

Художник норовит стать демиургом. Топтун – президентом. Штангист – святым. Писатель – всезнайкой, провидцем, вселенским учителем жизни, Иоанном Златоустом. Сидящий на грязной кухне интеллигент рассуждает и судит как фельдмаршал. Маленький серый Путин глядит державным орлом и мечет в разные стороны молнии. Бывший зек Солженицын дает советы вождям, нации и всему миру.

Переписывает историю на свой лад. Самодеятельно воскрешает нелепые устаревшие слова-лазари...

Сим Семыч Солженицын особенно страдал отсутствием чувства юмора, был начисто лишен спасительной самоиронии. Может быть, именно это и превратило его в комичную и щемяще неприятную литературную фигуру. Нельзя так патологически серьезно смотреть на самого себя и на жизнь – козленочком станешь. Или козлицем.

Никогда не забуду чудную картинку – Солж в дурацкой шапке принимает на вокзале хлеб-соль.

Отвратительную гебешную новосоветчину он приветствовал как возрождение русского народа...

Подарил Путину пару золотых шаров.

Я читатель, ценю художественность. Мастерство писателя. А не его православие или народность. Солженицын пытался всю жизнь играть роль учителя. Это снизило уровень его перегретой, политизированной псевдоисторической прозы. Солжа приворожили духи русской жизни. Казенные тяжелые вонючие духи. Фантомы государства – бетонные и асфальтовые чудовища.

Всех без исключения своих героев он сделал заключенными в лагере. В лагере России. В ее сучьей истории...

Ни Вермонт, ни Швейцария ему не помогли. Солж навсегда остался

заклоченным.

Если себя «зарядить» Далем, славянофильством, монархизмом, православием и народностью, то зеленая крылатая змейка – художественная правда, вильнув хвостиком, исчезнет. Спрячется за камешки. Ни энергией, ни дисциплиной ее не достать... Ни двадцатилетним трудом. Своевольна. Особенно не любит монументальные замыслы.

И покидает художественная правда утружденного своими глыбами писателя-пророка и ложится на легкие, не обремененные мировыми задачами, плечи легкомысленного писателя... Например, на Войновича.

Я ценю многие вещи Войновича гораздо больше, чем «Колеса» Солж. Его «Шапка» конечно переживет солженицынские глыбы и повиснет на крючке в шкафу Собакевича рядом с «Шинелью» и кителем Мышлаевского...

...

Академия наук. Гражданская панихида.

Гроб. Вдова. Сын. Солдаты. Милиция.

И молодые гэбисты с венками шныряют. Потом заходит сам.

Людишек не много – жиденькая очередь. Помню, что было на похоронах доброго косноязычного Сахарова – сотни тысяч людей на холоде стояли... И литературой он не владел. И в Бога не верил. Но в каждой живой душе оставил удивительный след. Надежды.

Не угадал покойник элементарную вещь – момент возвращения на Родину.

Горбач 1989 года был мягок – впустил бы и обласкал. Тогда земец Солж со своими советами может быть даже чего-нибудь и добился бы.

Приехал поздно, опоздал к раздаче. Записался.

Приехал и в поместье заперся..

...

А солдаты зачем вокруг гроба? Чтобы мертвый зека ненароком не утек? Какая честь для мертвого зека быть посещенным державным лубянским обервертухаем! Проверял небось – помер ли писатель. Или и дальше подвоха ждать...

Какая радость для борца за справедливость умереть в стране, где Сталина представляют в школьных учебниках «самым успешным менеджером России»!

Какая отрада для богатого землевладельца лежать на Родине, по которой кочуют миллионы бездомных!

Таков удел возвратившихся – за возвращение надо платить или совестью или умом. Или совесть потерять, подарить ее крышующему в России гебью, или критический ум утратить и поверить их бесконечной лжи. Закрыв глаза и зажав уши.

Полагаю, что Солженицын – самый любимый (после Ельцина) покойник Путина.

...

Слышу, как запели певуны – русский гений, классик...

Новый Толстой. Новый Достоевский...

А по-моему не дотянул Солж ни до Достоевского, ни до Толстого. Ни до Чехова. Ни до Домбровского, ни до Константина Воробьева не дотянул. Те были сердечнее и проще.

Проза их – пластичнее, естественнее солженицыновской...

ПИСЬМО РЕДАКТОРУ

На ваши каверзные вопросы, дорогой В., мне хочется ответить кратким комментарием.

Нет, я не смотрю российское телевидение, ни настоящее, путинское, ни гнусенькое «гусинское», предназначенное для жидко ностальгирующих лапчатых гусей-эмигрантов.

Даже если бы и захотел смотреть - не смог бы. Это телевидение вызывает у меня рвоту. Не виртуальную, а настоящую. Рвоту и коллапс всего существа.

Я уже не говорю о политических передачах - нахрапистая путинская пропаганда рассчитана на дебилов, я не могу смотреть и передачи, посвященные «русской культуре», не выношу и старые и новые документальные и художественные российские фильмы.

Вся эта продукция смердит советчиной, неизжитой совковостью, провинциальностью, в большей или меньшей степени все эти калягинские «тетки чарли» и «волги-волги» и даже «берегись-автомобили» и другие «дяди-вани» лживы, пошлы и отвратительны. Во всех этих «тенях забытых предков» копошатся микробы подлости и злобы, трихины тысячелетнего холопства...

Мы уехали для того, чтобы не хлебать больше этот прокисший советский бульон, не поддаваться на «их» уговоры, не видеть эти гнусные рожи..

Пожить в свободном, открытом всем ветрам, «прекрасном и яростном» мире. Зачем же мы, подписывая этим последнюю капитуляцию, усаживаемся перед плазменными экранами-мониторами смотреть дозволенную путиными-брежневыми-сталиными ядовитую гадость?

Затем, что мы на самом деле не эмигранты, а живые трупы, зомби.

Это трагично, но исправимо.

Достаточно выключить телевизор, стереть «их» программу и открыть немецкую книгу. Ну хоть Гофмана почитать в оригинале. Крошку Цахеса. Или Гессе. Или "Человека без свойств" Музиля...

Или посетить музей живописи, пообщаться там с Дюрером, Кранахом или Петрусом Крестусом...

Или погулять в старинном парке...

Или влюбиться в очаровательную немочку...

Что, не можете, не хотите? Я же говорю, застрявшие между мирами зомби.